

Ресентимент одураченных

Виталий Л. Махлин

Московский Государственный Педагогический Институт

Наталья М. Долгорукова

Высшая Школа Экономики, ИГИТИ, Москва

Книга

Публикуется рецензия на книгу: Bronckart, Jean-Paul et Cristian Bota. *Bakhtine démasqué. Histoire d'un menteur, d'une escroquerie et d'un délire collectif* [Бахтин без маски. История лжеца, мошенничества и коллективного помешательства]. Genève: Droz, 2011. 629 pp.

Контакты

vitmahlin@mail.ru

natalia.dolgoroukova@gmail.com

12 декабря 1916 года Б.А.Пастернак писал родителям с Урала под впечатлением от газетных новостей: «Глупо ждать конца глупости. А то бы глупость была последовательной и законченной и глупостью уже не была». Глупость, по мысли автора, в иные времена не сводится к «дешевой политике дня», но указывает на то, что «при дверях». За прошедшие без малого сто лет истина этой мысли, похоже, не потеряла своей актуальности, и область гуманитарно-филологических исследований не составляет здесь исключения.

Два психолога-лингвиста из Женевского университета, не зная русского языка, написали более чем шестьсотстраничный труд о русском философе и ученом М. М. Бахтине (1895-1975), изданный престижным французским издательством. В основу этого исследования или, точнее, расследования положена простая мысль: Бахтин – «лжец» и «мошенник», а вовсе не гениальный мыслитель, чудом уцелевший в советских условиях, каким его представили «московские обожатели» (8) – Вяч. Вс. Иванов, В. В. Кожин, С. Г. Бочаров, Г. Д. Гачев, – вызвав «коллективное помешательство» во всем мире и заработав на этом не только символический капитал. Не бездарному антисоветчику Бахтину, но его друзьям-марксистам принадлежит авторство прославленных книг – не только так называемых «спорных текстов» (*disputed texts*), опубликованных во второй половине 1920-х гг. под именами В. Н. Волошинова и П. Н. Медведева, но и монографии о Достоевском (1929), которую в 1960-е годы «обожатели» заново отредактировали и выпустили в свет, вторично обманув доверчивую научную общественность. Сам Бахтин ничего вразумительного не мог написать и напечатать по причинам своего дореволюционного незаконченного образования и своей реакционной идеологии, а о себе он позднее просто «наврал!» (*a donc menti!*) (236).

Если фактически рецензируемое сочинение представляет собой нудный винегрет из бесконечных цитат, заменяющих аргументацию и анализ текстов и

исторических контекстов, то нельзя все же отказать швейцарским детективам от науки в известной занимательности и даже оригинальности. Занимательность: мы, как во сне, видим то, чего вроде бы не может быть, но претендует на достоверность тем более эффектную, чем менее убедительную. К примеру, читатель узнает, что Бахтин в 1920-е годы, после того как «издатели» не проявили никакого интереса к его философии, получил доступ к рукописям своих куда более идейных, образованных и успешных друзей через свою жену, которой, оказывается, Волошинов и Медведев доверяли перепечатку своих трудов (554), а позднее, когда друзей уже не было в живых, Бахтин выдал чужие работы за свои собственные, тем самым обратив на себя внимание публики. Швейцарские авторы тоже сумели обратить на себя внимание публики – или того, что в прежние времена именовалось этим словом.

Оригинальность предпринятого в швейцарской книжке дознания тоже следует признать. Никто прежде не доходил до печатных обвинений Бахтина в «краже» и «вранье», никто не решался с такой революционной принципиальностью отмежеваться от Бахтина-философа, не найдя в его программных рукописях 1919-1924 гг. ничего, кроме «реакционной идеологии» (398) и приправленных феноменологией «рассуждений о боженъке» (515). Никто, кажется, не заявлял, что и книга о Достоевском, и *Слово в романе*, и очерки о «хронотопе», и монография о Рабле, словом весь Бахтин – это плагиат, прикрытый ссылками на другие имена – «от Фосслера до Соссюра, от Виноградова до Сталина» (580), – подлог, скрывший подлинных советских авторов, «глубоко укорененных» в марксистской традиции (415). Никто даже на Западе не договаривался до того, что марксизм в «спорных текстах», а равно и в бесспорных, – это не внешний антураж, не вынужденная подсоветская маска, а наоборот, как раз самое главное и самое лучшее, а именно – «материалистический монизм» в традициях *Этики Спинозы* и *Материализма и эмпириокритицизма* Ленина (417).

Доказать свою версию путем анализа текстов (хотя бы «спорных») швейцарские авторы даже не пытаются, довольствуясь выбиванием нужных им признательных показаний из *цитат*, не всегда правильно переведенных на доступные им языки, а главное, взятых совершенно независимо от конкретной исторической реальности, от всего того, что, в терминологии Бахтина, называется «внесловесным контекстом» речевой ситуации и «неофициальным сознанием» эпохи. Один из, по его же слову, «непогибших» в свое революционное время, а в постреволюционное поистине воскрешенный талантливыми молодыми филологами, Бахтин сегодня вновь оказался подследственным и «ликвидированным в даль» (как сказано в платоновском «Котловане»), но уже не ленинградскими чекистами, а швейцарскими лингвистами, правда, не на самом деле, но вполне цивилизованно и постмодерно – «в тексте».

Дело в том, что у швейцарской книжки – свой собственный контекст, свои предпосылки и свои идеалы, которые, как сегодня модно говорить, – «самодостаточны». Здесь предмет интереса не автор и даже не его тексты, но некий публичный «имидж», который поддается разоблачению. «Нулевые годы» стали временем таких разоблачений в республике словесности и учености: анти-Ахматова, анти-Пастернак, анти-Булгаков, анти-Шекспир, анти-Гадамер..., а теперь и анти-Бахтин. После Конца Нового времени в прошлом столетии «дешевая политика дня» проникла во все сферы общественного и научного сознания (притом наименее дешевые). Знаменитые провозглашения 1960-х годов

насчет «смерти автора», что «нет ничего кроме текста», а в тексте самое интересное не его содержание и даже не форма, но «мозаика из цитат» – так Юлия Кристева в свое время творчески интерпретировала «отпрыска революционной России» Бахтина, прельстив филологов филологизмом и гуманитариев антигуманизмом своей влиятельной теории «интертекстуальности»: – все это принесло свои плоды и имело последствия, а в наше интересное время сделалось обычной, по выражению М. Фуко, «практикой порядка», от которой, возможно, взрогнули бы даже Фуко, Барт и Деррида; не случайно сама Ю. Кристева давно вернулась от своей «теории» к вполне традиционному психологизму и историзму (как это случилось и с русскими «формалистами» еще в 1920-е годы). В сфере бахтинистики, особенно западных *Bakhtin studies*, последствия так называемого «мышления 68-го года» во Франции (и далее – везде) сказались уже в последние десятилетия в виде расхожих карикатур. Настоящие исследователи, сделав себе имя на Бахтине в 1980-е годы и, похоже, сказав все, что могли, «по-английски» ушли из бахтинистики (за единичными счастливыми исключениями), а их институционализированными наследниками в новом столетии оказались (тоже за редкими исключениями) персонажи скорее случайные и некомпетентные, но тем более хваткие, по способу обращения с автором и его текстами сходные с теми, кого в шекспироведении называют «расчленителями» (*disintegrators*).¹ Расчленив и обесмыслить непонятого и чуждого «другого», сведя его до собственного скромного уровня, но пользуясь его «известностью», – такова (за некоторыми исключениями) общая тенденция современных *Bakhtin studies* не только на Западе, но в особенности на Западе. В рецензируемом сочинении эта тенденция доведена до предела или, пожалуй, «беспредела». Но даже в этом безумии, говоря словами Полония, есть «идея», т.е. своя логика.

Чем мельче и агрессивнее мысль, притязаящая на значимость и новизну, тем больше она питается и укрепляется некоторой общей атмосферой времени для того, чтобы, по слову М. М. Бахтина, «оплотниться» в качестве как бы индивидуального достижения. В швейцарском издании примечательны и поучительны не крайности и глупости сами по себе – они, скорее всего, оттолкнут даже «расчленителей», как-то еще зависимых от своего предмета, – но подмеченная в рецензиях «остервенелость», некий одушевлявший и вдохновлявший наших детективов от психолингвистики мстительно-злобный импульс – ресентимент. *Ресентимент одураченных* – в особенности «левых» идеологов и филологов, все еще предпочитающих видеть в Бахтине хотя и незрелого до Беньямина, Альтюссера или Лиотара, но все же «отпрыска революционной России».

Это не с Бахтина сброшена маска – маска сброшена с того, по-бахтински, «двойника-самозванца», которым прикрывались и на которого опирались в попытках представить русского автора в качестве нужного левым интеллектуалам советского предвосхищения постмарксизма, постформализма, постструктурализма и деконструктивизма, пророка «карнавальной революции» и «революционера в марксистском литературоведении». Сегодня это уже невозможно даже на Западе – отсюда ресентимент.

Французский русист Клод Фриу в разгар увлечения структурализмом на Западе и в СССР так начал свою рецензию на французский перевод «Проблем поэтики Достоевского» Бахтина, вышедший с известным предисловием Ю. Кристевой

¹ См. Шайтанов 130.

(1970): «Превратности взаимоотношений между Россией и западной культурой поистине неисчерпаемы» (80). Сегодня эти «превратности взаимоотношения», идеологические и методологические, открываются в новом свете.

Наметившийся еще в пореволюционное советское десятилетие творческий симбиоз марксизма и формализма, «материалистической» науки, футуристической утопии и «молодой русской поэтики» – симбиоз, который Бахтин, как известно, определил в 1924 году в качестве «материальной эстетики», а потом проанализировал (в жанре ликбеза «для бедных») в «спорных текстах» второй половины 1920-х годов с позиций *марксиста, которого никогда не было* (и не будет), – эта «революционная наука» в 60-е–70-е годы обрела «второе дыхание», особенно в западной культуре, а в последние десятилетия, давно утратив свой «драйв», институализировалась почти во всех университетах мира в качестве «нормальной науки» и так называемой *theory*, заменившей философию для особо продвинутых филологов, лингвистов и «критиков» – уже после того, как современная философия отказалась от того, что на языке раннего Бахтина называется «роковым теоретизмом» Нового времени. Боевитый язык «золотых 20-х годов», на котором вынужденно писались «спорные тексты» (и не только они), сделался как бы само собой разумеющимся гуманитарным новоязом и с сильным опозданием вернулся сейчас в Россию в виде западных новинок. Как, говорят, язвил С. С. Аверинцев в свои поздние годы: вот твердили же нам в советское время, что мы впереди планеты всей, а мы не верили...

Бахтин, как это сегодня более или менее понятно, был не только «философом» и не просто «ученым». Автор *Проблем поэтики Достоевского*, *Проблемы речевых жанров*, *Проблемы текста*, *Проблемы автора* (уже в *Авторе и герое в эстетической деятельности* 1922/23 гг.), *Проблемы изображения непрерывного и прерывистого речевого потока от Горация до Джеймса Джойса*² и т. п. – это *проблемный мыслитель* по преимуществу (*Problemdenker*). Подобно тому, как герой *Двойника* Достоевского «хотел обойти другого и утвердить себя сам» (Бахтин, *Проблемы поэтики Достоевского* 239), история рецепции бахтинской мысли за последние полвека оказалась яркой иллюстрацией «серьезно-смехового», переоткрытого Бахтиным за пределами античности и не только в литературе, в контексте «всей идеологической культуры нового времени» (91). Только теперь, после конца Нового времени в прошлом столетии и после бахтинского «бума», Бахтин едва ли не впервые открывается как, действительно, «не наша дичь», и это не могло не вызвать повсеместной реакции и «слева», и «справа» – ресентимент одураченных (почти) не по собственной вине. После советского века Бахтин на Западе – слишком «русский», а у себя на родине – слишком «европеец», для филологов – слишком «философ», для философов – слишком «филолог» и «литературовед».³

...Глупо ждать конца глупости. Глупо, что недавно заверченный проект – собрание сочинений М. М. Бахтина (1996-2012), подготовивший почву для принципиально новых подходов к его научно-философскому наследию, – не удостоился, насколько нам известно, ни одного основательного отклика за шестнадцать лет ни у нас, ни за рубежом, зато швейцарская книжка сразу вызвала с десяток академических отзывов в Европе, в США и даже на отечественном

² См. недавно опубликованные заметки Бахтина к его докладу, известному прежде под названием «Эпос и роман» (1941): Бахтин, *Собрание сочинений. Т.3: Теория романа* 557.

³ Подробнее об этом см. Махлин.

телеканале «Культура». Глупо, что, появившись сегодня книги Бахтина впервые на интеллектуальном рынке, их бы вряд ли заметили. Глупо, что за минувшие сто лет в мире все изменилось настолько, что изменить, похоже, уже ничего нельзя. Но ведь не только глупостью жив человек и даже история. Тот пассаж из письма 1916 года, с которого мы начали, Б. Л. Пастернак закончил как бы неожиданно позитивно. Глупость, говорится там, оборвется сама собой, и это «не потому, что глупость окончится, а потому, что у разумного есть начало и это начало вытесняет и аннулирует глупость».

Библиография

- Бахтин, М. М. *Собрание сочинений*. Т. 3: Теория романа (1930-1961). Под ред. С. Г. Бочарова и В. В. Кожина. Москва, 2012. Печать.
- . “Проблемы поэтики Достоевского.” *Собрание сочинений*. Т. 6. Москва: «Языки славянской культуры», 2002. Печать.
- Кристева, Юлия. “Разрушение поэтики.” Пер. Г. К. Косикова. *Михаил Бахтин: Pro et contra*. 2 тома. Т. 2. Санкт-Петербург, 2002: 7-32. Печать.
- . Юлия. “Слово, диалог и роман.” (1967) *Избранные труды: Разрушение поэтики*. Пер. Г. К. Косикова. Москва: РОССПЭН, 2004. 165-193. Печать.
- Махлин, В. Л. “Рукописи горят без огня.” *Бахтин: критическая антология*. М. М. Бахтин: *Критическая антология*. Под ред. В. Л. Махлина. Москва: РОССПЭН, 2010. 5-22. Печать.
- Фриу, К. “Бахтин до нас и после нас.” (1971) *М. М. Бахтин: Критическая антология*. Под ред. В. Л. Махлина. Москва: РОССПЭН, 2010. Печать.
- Шайтанов, Игорь. *Шекспир*. Москва: «Молодая гвардия», 2013. Печать.